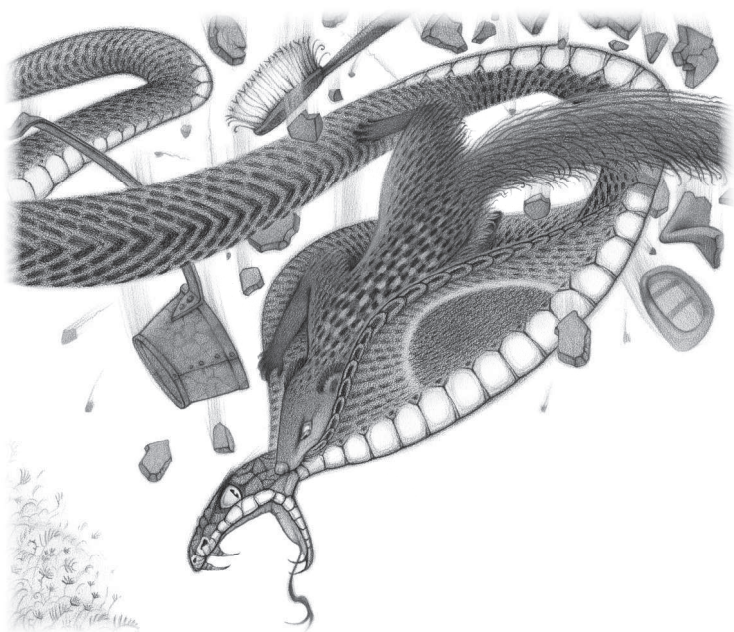

Р. Киплинг

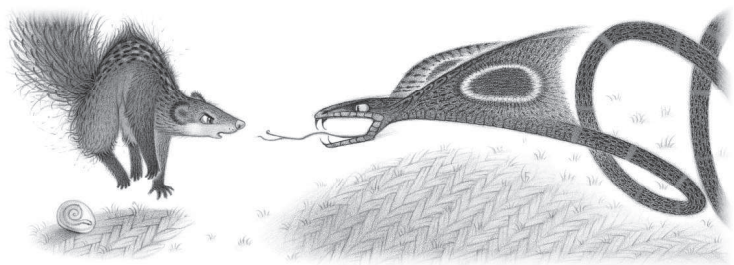
РИККИ-ТИККИ- ТАВИ СКАЗКИ

Художник С. Бушманова

Издательство
АСТ

РИККИ-ТИККИ-ТАВИ

Это рассказ о великой войне, которую вёл в одиночку Рикки-Тикки-Тави в ванной большого дома в посёлке Сигаули.

Дарзи, птица-портной, помогала ему, и Чучундра, мускусная крыса — та, что никогда не выбежит на середину комнаты, а всё крадёт у самой стены, — давала ему советы. Но по-настоящему воевал он один.

Рикки-Тикки-Тави был мангуст. И хвост, и мех были у него, как у маленькой кошки, а голова и все повадки — как у ласочки.

Глаза у него были розовые, и кончик его беспокойного носа тоже был розовый. Рикки мог почесаться где вздумается, всё равно какой лапкой: передней ли, задней ли. И так умел он распушить свой

хвост, что хвост делался похожим на круглую длинную щётку.

И его боевой клич, когда он мчался в высоких травах, был: «Рикки-тикки-тикки-тикки-чк!»

Он жил с отцом и матерью в узкой ложбине. Но однажды летом произошло наводнение, и вода понесла его вдоль придорожного рва. Он брыкался и барахтался как мог. Наконец ему удалось ухватиться за плывущий пучок травы, и там он держался, пока не лишился сознания. Очнулся он на горячем припёке в саду, посередине дорожки, истерзанный и грязный, а какой-то мальчик в это время сказал:

— Мёртвый мангуст! Давай устроим похороны!

— Нет, — сказала мальчику мать, — возьми-ка его и обсушим. Может быть, он ещё живой.

Они внесли его в дом, и какой-то Большой Человек взял его двумя пальцами и сказал, что он вовсе не мёртвый, а только захлебнулся в воде. Тогда его завернули в вату и стали обогрывать у огня. Он открыл глаза и чихнул.

— А теперь, — сказал Большой Человек, — не пугайте его, и мы поглядим, что он станет делать.

Нет на свете ничего труднее, как испугать мангуста, потому что он от носа до хвоста весь горит любопытством. «Беги Разузнай и Разнюхай» — начертано на семейном гербе у мангустов, а Рикки-Тикки был чистокровный мангуст. Он всмотрелся в вату, сообразил, что она не годна для еды, обежал кругом стола, сел на задние лапки, привёл свою шёрстку в порядок, а потом вскочил мальчику на плечо.

— Не бойся, Тедди, — сказал Большой Человек. — Это он хочет с тобой подружиться.

— Ай, он щекочет мне шею! — вскрикнул Тедди.

Рикки-Тикки заглянул ему за воротник, понюхал ухо и, спустившись на пол, начал тереть себе нос.

— Вот чудеса! — сказала Теддина мать. — И это называется дикий зверёк! Верно, он оттого такой ручной, что мы были добры к нему.

— Мангусты все такие, — сказал её муж. — Если Тедди не станет поднимать его с полу за хвост и не вздумает сажать его в клетку, он поселится у нас и будет бегать по всему дому... Дадим ему чего-нибудь поесть.

Ему дали маленький кусочек сырого мяса. Мясо ему страшно понравилось. После завтрака он сейчас же побежал на веранду, присел на солнышке и распушил свою шёрстку, чтобы высушить её до самых корней. И тотчас же ему стало лучше.

«В этом доме есть немало такого, что я должен разведать как можно скорее. Моим родителям за всю жизнь не случилось разведать столько. Останусь тут и разведаю всё как есть».

Весь этот день он только и делал, что рыскал по всему дому. Он чуть не утонул в ванне, он сунулся носом в чернила и тотчас же после этого обжёг себе нос о сигару, которую курил Большой Человек, потому что взобрался к Большому Человеку на колени посмотреть, как пишут пером на бумаге. Вечером он прибежал в Теддину спальню, чтобы проследить, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улёгся в постель, Рикки-Тикки прикорнул возле него, но оказался беспокойным соседом, потому что при всяком шорохе вскакивал и настораживался и бежал разузнавать, в чём дело. Отец с матерью зашли перед сном проведать своего спящего сына и увидели, что Рик-

ки-Тикки не спит, а сидит у него на подушке.

— Не нравится мне это, — сказала Теддина мать. — Что, если он укусит ребёнка?..

— Не бойся, — сказал отец. — Эта зверюшка защитит его лучше всякой собаки. Если, например, вползёт змея...

Но Теддина мать и думать не хотела о таких ужасах.

К утреннему завтраку Рикки въехал на веранду верхом на Теддином плече. Ему дали банан и кусочек яйца. Он перебивал на коленях у всех, потому что хороший мангуст никогда не теряет надежды сделаться домашним мангустом. Каждый из них с детства мечтает о том, что он будет жить в человеческом доме и бегать из комнаты в комнату.

После завтрака Рикки-Тикки выбежал в сад — поглядеть, нет ли там чего замечательного. Сад был большой, лишь наполовину расчищенный. Розы росли в нём огромные — каждый куст, как беседка, — и бамбуковые рощи, и апельсиновые деревья, и лимонные, и густые заросли высокой травы. Рикки-Тикки даже облизнулся.

— Неплохое место для охоты! — сказал он.

И чуть только подумал об охоте, хвост у него раздулся, как круглая щётка. Он быстро обежал всю окрестность, нюхнул здесь, нюхнул там, и вдруг до него донеслись из терновника чьи-то печальные голоса. Там, в терновнике, жили Дарзи, птица-портной и его жена. У них было красивое гнездо: они сшили его из двух большущих листьев тонкими волокнистыми прутиками и набили мягким пухом и хлопком. Гнездо качалось во все стороны, а они сидели на краю и громко плакали.

— Что случилось? — спросил Рикки-Тикки.

— Большое несчастье! — ответил Дарзи. — Один из наших птенчиков вывалился вчера из гнезда, и Наг проглотил его.

— Гм, — сказал Рикки-Тикки, — это очень печально... Но я тут недавно... Я нездешний... Кто такой Наг?

Дарзи и его жена юркнули в гнездо и ничего не ответили, потому что из густой травы, из-под куста, послышалось негромкое шипенье — страшный, холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить назад на целых два фута. Потом из травы всё выше и выше, вершок за вершком, стала подниматься голова Нага, огром-

ной чёрной кобры, — и был этот Наг пяти футов длины от головы до хвоста.

Когда треть его туловища поднялась над землёй, он остановился и начал качаться, как одуванчик под ветром, и глянул на Рикки-Тикки своими злыми змеиными глазками, которые остаются всегда одинаковые, о чём бы ни думал Наг.

— Ты спрашиваешь, кто такой Наг? Смотри на меня и дрожи! Потому что Наг — это я...

И он раздул свой капюшон, и Рикки-Тикки увидел на капюшоне очковую метку, точь-в-точь как стальная петля от стального крючка.

Рикки стало страшно — на минуту. Дольше одной минуты мангусты вообще никого не боятся, и хотя Рикки-Тикки никогда не видал живой кобры, так как мать кормила его мёртвыми, он понимал, что мангусты существуют на свете, чтобы сражаться со змеями, побеждать их и есть. Это было известно и Нагу, и потому в глубине его холодного сердца был страх.

— Ну так что! — сказал Рикки-Тикки, и хвост у него стал раздуваться опять. — Ты думаешь, если у тебя узор на спине, так ты имеешь право глотать птенчиков, которые выпадут из гнезда?

Наг думал в это время о другом и зорко вглядывался, не шевелится ли трава за спиной у Рикки. Он знал, что, если в саду появились мангусты, значит, и ему, и всему змеиному роду скоро придёт конец. Но теперь ему было нужно усыпить внимание врага. Поэтому он чуть-чуть нагнул голову и, склонив её набок, сказал:

— Давай поговорим. Ведь птичьи яйца ты ешь, не правда ли? Почему бы мне не лакомиться птичками?

— Сзади! Сзади! Оглянись! — пел в это время Дарзи.

Но Рикки-Тикки хорошо понимал, что пялить глаза уже некогда. Он подпрыгнул как можно выше и внизу под собой увидел шипящую голову Нагайны, злой жены Нага. Она подкралась сзади, куда Наг разговаривал с ним, и хотела прикончить его. Она оттого и шипела, что Рикки ускользнул от неё.

Подпрыгнувший Рикки бухнулся к ней прямо на спину, и будь он постарше, он знал бы, что теперь самое время прокусить её спину зубами: один укус — и готово! Но он боялся, как бы она не хлестнула его своим страшным хвостом. Впрочем, он куснул её, но не так сильно, как следовало, и тотчас же отскочил от извивов

хвоста, оставив змею разъярённой и раненой.

— Гадкий, гадкий Дарзи! — сказал Наг и вытянулся вверх сколько мог, чтобы достать до гнезда, висевшего на терновом кусте.

Но Дарзи нарочно построил своё гнездо так высоко, чтобы змеи не достали до него, и гнездо только качнулось на ветке.

Рикки-Тикки чувствовал, что глаза у него становятся всё краснее и жарче, а когда глаза у мангуста краснеют, это значит — он очень сердит. Он сел на хвост и на задние лапы, как маленький кенгурёнок, и, поглядев во все стороны, затараторил от ярости. Но воевать было не с кем: Наг и Нагайна юркнули в траву и исчезли. Когда змее случится промахнуться, она не говорит ни единого слова и не показывает, что она собирается делать. Рикки-Тикки даже не пытался преследовать врагов, так как не был уверен, может ли справиться с обоими сразу. Он побежал рысцой по направлению к дому, сел на песчаной тропинке и глубоко задумался. Да и было о чём.

Когда тебе случится читать старые книги о разных животных, ты прочтёшь, будто ужаленный змеёй мангуст тотчас же

убегает прочь и съедает какую-то травку, которая будто бы лечит его от укуса. Это неверно. Победа мангуста над коброй — в быстроте его глаз и лап. У кобры — укус, у мангуста — прыжок.

И так как никакому глазу не уследить за движением змеиной головы, когда она хочет ужалить, этот прыжок мангуста чудеснее всякой волшебной травы.

Рикки-Тикки хорошо понимал, что он ещё молодой и неопытный. Оттого ему было так радостно думать, что он изловчился увильнуть от нападения сзади.

Он почувствовал большое уважение к себе, и, когда по садовой дорожке подбежал к нему Тедди, он был не прочь позволить мальчугану, чтобы тот погладил его. Но как раз в ту минуту, когда Тедди нагнулся над ним, что-то мелькнуло, извиваясь, в пыли, и тоненький голосок произнёс: «Берегись! Я — смерть!»

Это была Карайт, пыльно-серая змейка, которая любит валяться в песке. Жало у неё такое же ядовитое, как у кобры, но оттого, что она маленькая, никто не замечает её, и таким образом она приносит людям ещё больше вреда.

Глаза у Рикки-Тикки опять стали красные, и он, приплясывая, подбежал к Ка-